

П.В. Резвых

КАНТ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ЧТО МЫ ЕЩЕ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА?

Резвых Петр Владиславович – доцент Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: prezvykh@hse.ru

В статье ставится вопрос, какие аспекты кантовской философии являются наиболее актуальными для современных философских и публичных дискуссий. Автор выделяет в наследии Канта три наиболее актуальных комплекса идей: критическое ограничение сферы компетенций научного познания; формальное обоснование морали без опоры на принцип взаимности; осмысление религии исходя из выявления антропологических условий ее возможности. Автор также дает оценку главных достижений кантоведения конца XX и начала XXI в., прежде всего в области текстологии с применением цифровых технологий и методов.

Ключевые слова: Кант, кантоведение, научное познание, мораль, религия

Для цитирования: Резвых П.В. Кант и современность: что мы еще можем сделать друг для друга? // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 2. С. 34–41.

1. Почему Кант важен для нас сегодня?

Попытку сформулировать ответ на первый вопрос я начну с одного очень общего соображения. Пожалуй, немного найдется фигур в истории мировой философии, о которых велись бы такие разнообразные и столь ожесточенные споры, как об Иммануиле Канте. Одни считают его философию вершинным достижением не только европейской, но и мировой мысли, другие – фатальным заблуждением, направившим западную философию по ложному пути; одни превозносят его как знатока человеческой природы, другие упрекают в приверженности к абстракциям и в оторванности от реальности; одни видят в его философском труде свидетельство смирения и самоограничения, другие – плод непомерной гордыни. Меняются оценки и аргументы, эпитеты и метафоры, однако, как здесь уже неоднократно отмечали коллеги, вне зависимости от мировоззренческих предпочтений одно

оказывается совершенно невозможным – остаться к его мысли безразличным, пройти мимо, сделать вид, будто Канта и его философии вовсе не было в истории. А.Н. Круглов остроумно сравнил кантовскую философию с центральным транспортным узлом, миновать который невозможно. Немецкий психолог Освальд Кюльпе прибег в свое время к другой, не менее удачной метафоре: Кант – это «коэффициент, который всем приходится применять в своих расчетах»¹.

Почему же философия Канта остается неизменно актуальной? Почему вот уже более двух столетий мы вновь и вновь возвращаемся к его размышлениям и находим в них что-то важное для нас?

Сам Кант говорит в «Критике чистого разума» о двух разных понятиях философии – «школьном» и «мировом». Согласно школьному понятию философия – это «система познания, исследуемого лишь в качестве науки, и притом [в этом исследовании] нацеленного только на систематическое единство этого знания». Согласно же мировому понятию она есть «наука об отношении всякого познания к существенным целям человеческого разума». В отличие от школьного, затрагивающего те или иные групповые интересы ученых или специалистов-практиков, мировое понятие философии «касается того, что интересует каждого», а именно предназначения человека и тех целей, которых необходимо достичь для осуществления этого предназначения, так что, согласно мировому понятию, философ – это не «виртуоз разума», не тот, кто просто хорошо владеет техническими приемами рассуждения, а «законодатель человеческого разума», учитель, способный определить цели человеческого существования². И хотя называть самого себя таким учителем, замечает Кант, «было бы чересчур смело», тем не менее «идея его законодательства встречается во всяком человеческом разуме», и философ, сознавая все свое несовершенство, все же призван «держаться исключительно этой идеи»³.

Мне кажется, Кант привлекает к себе пытливые умы именно тем, что в полной мере отдает должное обеим сторонам философии. Как никто другой, он строго следует требованию систематичности, последовательности, обоснованности, логической стройности и полноты. Чтение его сочинений, написанных на очень сложном специальном языке, требует дисциплины, терпения и усердия, и многое в них доступно и интересно только сравнительно узкому кругу профессионалов. Однако вместе с тем Кант никогда не теряет из виду вопросы, волнующие каждого человека: «Что в моем знании о мире и о себе по-настоящему достоверно?», «Чем я должен руководствоваться, решая, как правильно поступить в той или иной жизненной ситуации?», «Почему нас так привлекает и завораживает красота?», «В чем ценность и значение человеческой жизни, если человек рано или поздно должен умереть?», «Двигается ли человечество в своей истории к лучшему или к худшему?». Углубляясь в анализ и тщательно прорабатывая детали аргументации, Кант все время помнит (и напоминает своим читателям), что вся эта скрупулезная работа в конечном счете направлена на решение именно таких, казалось бы, простых, но на самом деле очень трудных вопросов.

¹ K  lpe O. Festrede zur Kant-Feier der W  rzburger Universit  t am 12. Februar 1904 // Immanuel Kant zu ehren. Frankfurt am Main, 1974. S. 184.

² Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. II. Ч. 1. М., 2006. С. 1051.

³ Там же.

Со стороны формы эта особенность кантовского мышления выражается в том, что он одновременно и утверждает, и проблематизирует столь важный для философии Нового времени императив системности знания. В этом отношении очень показательным, что в дискуссионном поле современной философии язык и проблематика кантовской мысли оказываются в равной мере притягательными и для так называемой «аналитической», и для так называемой «континентальной» философии с их принципиально разным пониманием «научности» философии. Кант, с одной стороны, сознательно строит свою философию именно как систему, стараясь плотно пригнать друг к другу ее элементы, а с другой стороны, всякий раз обнаруживает, что внутренняя связь между ними в конечном счете упирается в неизвестное, в то, что всегда остается в слепом пятне. Кант отнюдь не маскирует такие смысловые разрывы, но, напротив, делает их заметными.

Но дело не только в этом. Думаю, главная черта кантовской философии, делающая ее одновременно притягательной и беспокоящей нас, состоит в том, что в своих размышлениях о назначении человека он соединяет стремление к утверждению высокого идеала, определяющего это назначение, с трезвым сознанием того, насколько далеко человек в своем фактическом состоянии отстоит от этого идеала и какой долгий и тернистый путь лежит перед ним. Это проявляется во всех проблемных областях его философии. Как существо познающее человек неизменно устремлен к тому, чтобы раздвинуть свое познание за границы возможного опыта, но может бесконечно расширять его только в этих границах, познавая в вещах только то, что соразмерно его ограниченным познавательным способностям. Как существо практическое человек призван к тому, чтобы всеобщий нравственный закон сделался единственным основанием его поступков, но изначальная склонность к злу в человеческой природе прививает к его добрым задаткам разнообразные пороки, так что к полноте нравственного совершенства он может только бесконечно приближаться. Как существо общественное человек предназначен к тому, чтобы вступить в отношение этического общежития со всеми людьми и достичь вечного мира, однако, как замечает Кант, «на той ступени культуры, на которой человеческий род все еще находится, война является неизбежным средством ее дальнейшего развития; и только вместе с достижением совершенной культуры (Бог ведает когда), и исключительно благодаря ей постоянный мир только и стал бы для нас возможным и благотворным»⁴. Канту равно чужды и мизантропический пессимизм, и прекраснодушный филантропический утопизм. Триста лет, прошедшие со дня его рождения, дали нам предостаточно примеров того, к каким неисчислимым бедам приводят обе эти крайности в понимании человеческой природы. Вот почему мы всякий раз возвращаемся к Канту, пытаясь понять, можно ли если не вовсе избежать подобных бед, то по крайней мере хоть сколько-нибудь им противодействовать.

Позволю себе и несколько более частных замечаний.

Если говорить о теоретической философии Канта, то нельзя, мне кажется, не отметить, что объявленный им коперниканский переворот, неоднократно упомянутый в сегодняшней дискуссии, отнюдь не является ныне чем-то само собой разумеющимся, чем-то, с чем наши современники были бы

⁴ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. М., 1994. С. 185.

вынуждены считаться как с необратимо свершившимся фактом. Напротив, в современной философии нет недостатка как в сознательных попытках отыграть его назад (достаточно вспомнить широковещательные манифесты борьбы с «корреляционизмом»), так и в неотрефлексированном стремлении ставить и обсуждать фундаментальные философские проблемы на основе эмпирических результатов, часто даже и вовсе не задаваясь вопросом о неустраимых предпосылках, лежащих в основе самой возможности эмпирического исследования. Несомненные успехи в применении экспериментальных методов, к примеру, в области так называемых нейронаук, только укрепляют и усиливают последнюю тенденцию. В этом контексте кантовский критицизм по-прежнему остается важнейшей инстанцией, предостерегающей науку от любого поспешного редукционизма и всякий раз напоминающей, что легитимность ее притязаний на решение тех или иных вопросов имеет границы, определяемые не извне, а изнутри, исходя из ее собственных необходимых допущений.

Многие коллеги говорили здесь об особой актуальности кантовской практической философии, и с этим я, конечно, тоже соглашусь. Главную причину, по которой именно кантовский инструментарий вновь и вновь оказывается востребованным в современных этических дискуссиях, на мой взгляд, очень точно указал замечательный немецкий философ Ханс Йонас в своей знаменитой книге «Принцип ответственности»: поскольку современная техническая цивилизация создает условия, при которых последствия действий отдельного человека или группы людей простираются далеко за пределы общего жизненного мира, разделяемого ими с другими людьми (как в пространственном, так и во временном отношении), мы не можем более при определении моральных оснований наших действий опираться на принцип взаимности (в форме ли золотого правила этики или в какой-то иной форме). Йонас сформулировал эту мысль еще в конце 1970-х гг., когда многое из того, что ныне стало реальностью, воспринималось как алармистские фантазии, и уже тогда отмечал, что основой новой этики, в которой техническая цивилизация определенно нуждается, может стать только новая модификация категорического императива, сохраняющая все сильные стороны различных кантовских его версий и лишенная их многократно обсуждавшихся недостатков. Думаю, сегодня проблема эта гораздо очевиднее и острее, чем тогда, и не только в связи с экологической и биоэтической проблематикой, но также и в связи со стремительным развитием информационных технологий.

Может быть, это прозвучит неожиданно, но мне кажется, что новую актуальность приобретают в современных условиях не только центральные идеи первых двух «Критик», но и поздние кантовские размышления, посвященные религии. Долгое время доминировало убеждение, что главным в кантовской трактовке религии является развитая им в этических сочинениях и, в общем, вполне типичная для Просвещения концепция разумной веры, в основе которой лежат универсальные моральные принципы. Это предполагает, что именно мораль служит общим знаменателем для много-различных исторически сформировавшихся религий и делает возможным конструктивный диалог между ними. Отсюда, однако, вовсе не следует, что исторически обусловленное содержание религии, выходящее за рамки моральных постулатов, является, по мысли Канта, чем-то случайным, необязательным, чем-то, чего могло бы и не быть. Напротив, в «Религии в границах

одного только разума» и других относительно поздних сочинениях Кант весьма последовательно и убедительно обосновывает необходимость и самостоятельную значимость религии в ее отличии от рациональной морали, показывая, что она связана с фундаментальными антропологическими константами (в частности, с тем, что он называет «коренным злом в человеческой природе»). Вопреки многократно предпринимавшимся усилиям придать этим кантовским рассуждениям маргинальный характер, рассматривая их просто как попытку рациональной легитимации христианской догматики, мы сегодня все острее осознаем, что без поиска подобных антропологических констант едва ли возможно получить внятный ответ на вопрос, почему, с одной стороны, в обществе, охваченном, казалось бы, процессом неуклонной секуляризации, институционализированная религия не только продолжает существовать, но и порождает все новые и новые вызовы для секулярной культуры, а, с другой стороны, внутри самого секулярного общества с завидным постоянством возникают различные субституты и суррогаты такой религии.

2. «Свет» и «тьма» кантоведения

Конечно, при попытках как-то оценить успехи и дефициты кантоведения, мне, как и другим коллегам, трудно отделаться от мысли, что при гигантском перепроизводстве кантоведческой продукции практически невозможно претендовать на сколько-нибудь полный обзор исследовательского ландшафта. К тому же обо многом коллеги уже сказали. Однако я попытаюсь добавить ко всему, что было отмечено, несколько своих соображений. Они, на первый взгляд, больше сосредоточены на «букве» кантовского учения, но имеют, как мне кажется, самое принципиальное значение и для понимания его «духа».

Одним из важнейших завоеваний кантоведения в последние несколько десятилетий и в источниковедческом, и в герменевтическом плане является, на мой взгляд, то, что кантовская философия, при ее каноническом статусе, который, в общем, не подвергается сомнению, и при ее эксплицитно заявленных притязаниях на системность, предстала глазам исследователей не как законченный продукт, а как *work in progress*. Этому способствовали и тщательное текстологическое исследование сочинений, опубликованных Кантом при жизни, и обработка и издание неопубликованных рукописных материалов, и введение в оборот немалого числа так называемых текстов «второй руки» (прежде всего слушательских записей кантовских лекций, на важность изучения которых обратила внимание Л.Э. Крыштоп). Мне кажется, все это не только помогло прояснить позиции и аргументы Канта по тем или иным частным философским вопросам, но и позволило, заглянув в лабораторию кантовской мысли, увидеть, что и после публикации своих главных трудов он продолжал ставить под вопрос свои наиболее радикальные новации (в частности, знаменитый тезис о недоступности нам интеллектуального созерцания), корректировать свои аргументы и выводы с учетом критических возражений оппонентов, модифицировать свой концептуальный аппарат, экспериментировать с терминологией, заново переопределять соотношение между различными философскими субдисциплинами. Благодаря этому существенно изменился сам образ кантовской

философии в целом: она стала более живой, внутренне подвижной, пронизанной внутренними напряжениями.

Разумеется, этому во многом способствовали технические новации, прежде всего применение цифровых инструментов и соответствующих методик. К примеру, такие ресурсы, как *Das Bonner Kant-Korpus* или *Kant-Edition* Берлин-Брандербургской Академии наук, открыли исследователям совершенно новые возможности: навигация и сквозной поиск по текстам, сбор статистических данных, сравнение факсимиле рукописного текста с транскрипцией, выявление и соотнесение друг с другом различных хронологических слоев внутри одного текста и т.п. Благодаря этому существенно изменилось наше восприятие кантовского наследия – мы теперь можем видеть его во внутренней динамике, в становлении, в многообразии интертекстуальных связей.

Достижения цифровизации существенно изменили не только образ самой кантовской философии, но и наше понимание ее места в хронологически близком ей историко-идейном контексте. Так, восприятие и оценка ранней рецепции кантовских идей долгое время находились под сильным влиянием определенного представления об иерархии значимости авторов и текстов, ее представляющих: на первый план выдвигались те, что оказались значимыми постфактум для формирования определенных тенденций, оцененных как важные позднейшей историографией (например, те, кто повлиял на формирование раннего идеализма, как Г.Э. Шульце, С. Маймон или К.Л. Рейнгольд), тогда как другие (например, многочисленные протестантские теологи) оказывались оттесненными на периферию внимания. Дигитализация огромного числа малоизвестных текстов, так или иначе отражающих реакции современников на кантовские труды (включая материалы периодики), дает возможность скорректировать эту картину, посмотреть на восприятие Канта современниками, не разделяя его читателей, будь то адепты или критики, на «выдающихся» и «заурядных». Я думаю, это помогло преодолеть стереотипы, так или иначе заложенные еще неокантианской историографией, и посмотреть на рецепцию Канта в конце XVIII – начале XIX в. не как на последовательное развитие, направляемое какой-то телеологией, а как на процесс одновременной кристаллизации множества конкурирующих друг с другом форм осмысления кантовской проблематики в первоначально очень диффузной и слабо дифференцированной медийной среде. Впрочем, тут сыграло свою роль и то, что к использованию новых возможностей истории философии оказались подготовленными методологической рефлексией, отчасти опередившей техническое развитие: в частности, применение цифровых инструментов дало возможность прояснить применительно к кантовской философии вопрос, поставленный в общей форме в рамках методологической программы *Begriffsgeschichte*: в какой мере в кантовских текстах можно увидеть симптомы или эффекты изменения исторической семантики используемых им ключевых понятий и какие следствия это имеет для понимания их содержания?

Впрочем, думаю, что результаты, достигнутые в ходе текстологической работы с опорой как на традиционные «аналоговые», так и на цифровые методы, порождают новые концептуальные вызовы и новые исследовательские задачи, с которыми современное кантоведение только начинает конфронтировать, и мне кажется, что в кантоведческом исследовательском сообществе это пока еще слабо осознается. На мой взгляд, это связано с тем

парадоксальным обстоятельством, что кантоведение, будучи очень восприимчивым к техническим инновациям и активно вовлеченным в их использование, концептуально остается глубоко консервативным. К примеру, очень показательно, что, говоря о важности изучения кантовских лекционных курсов, информацию о которых дают нам слушательские записи, прежде всего указывают на то, что это помогает прояснить те или иные содержательные моменты в кантовских авторизованных текстах, восстановить лакуны и придать кантовским построениям большую когерентность. То есть исходным остается заложенное еще в XIX в. и лежащее в основе критической текстологии представление о том, что творчество того или иного автора (в данном случае философия Канта) – это смысловое целое, где нет ничего случайного, где все так или иначе выражает авторскую волю, и главная задача исследователя и интерпретатора – установить, в чем именно эта авторская воля заключалась. Это предубеждение препятствует постановке других вопросов, обращенных к текстам «второй руки»: например, о соотношении письменного и устного слова как средств выражения философского содержания, о взаимосвязи экзотерического и эзотерического в каждом из этих способов выражения, о смысловой поливалентности философского высказывания и т.п. Новаторские методы критической филологии, апробированные в 1970–1980-е гг. применительно к художественным текстам (достаточно вспомнить инициированное Дитрихом Заттлером франкфуртское издание сочинений Гёльдерлина), ждут своего применения и в кантоведении; первым шагом в этом направлении является предпринятое Берлин-Бранденбургской Академией наук *Opus postumum Online-Edition*, где вместо конституированного «правильного текста» и «вариантов» читателю предлагается дипломатическая транскрипция, не навязывающая тексту определенной иерархии. Здесь, как мне кажется, у так называемой кантофилологии есть значительный потенциал методологического обновления, которое, несомненно, повлечет за собой и изменение стратегий философской интерпретации Канта.

Российское кантоведение тоже, я уверен, не останется в стороне от этого процесса. Более того, некоторые его достижения последних трех десятилетий, в частности, в том, что касается работы с переводами, даже превосходили вызовы, о которых я говорил выше. К примеру, осмысление полуторавекового опыта русских переводов «Критики чистого разума», предпринятое В.А. Жучковым, воплотилось в замечательном издании 1999 г., которое вместо единой, якобы наилучшей и наиболее консистентной русской версии этого сочинения предоставляет читателю текст, позволяющий сразу обозреть множество вариантов перевода проблемных и трудных мест, оценить достоинства и недостатки каждого из них и таким образом составить собственное представление о многообразии смысловых потенций, заложенных в немецком источнике. Фактически мы имеем дело с опытом перевода-гипертекста, аккумулирующего в себе одновременно и смысловую поливалентность оригинала, и историю его переводческой рецепции внутри русского языка. Впрочем, подобный опыт был бы невозможен без масштабного русскоязычного синтеза всех важнейших достижений традиционной кантофилологии, результатом которого стало многократно упомянутое двуязычное собрание под редакцией Н.В. Мотрошиловой, чрезвычайно наглядно демонстрирующее и преимущества, имеющиеся у русского переводчика Канта по сравнению, скажем, с английским или французским, и колоссальные трудности, испытываемые им при передаче тех или иных смысловых

связей. Выпущенные к 300-летию юбилею Канта новые переводы дают основание надеяться на то, что переосмысление кантовского наследия на русском языке будет продолжаться и станет мощным стимулом для плодотворных содержательных дискуссий об актуальности кантовских идей для современности.

Список литературы

- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. I / Под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М.: Ками, 1994.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. II. Ч. 1 / Под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М.: Наука, 2006.
- Kölpe O. Festrede zur Kant-Feier der Würzburger Universität am 12. Februar 1904 // Immanuel Kant zu ehren / Hrsg. von J. Kopper, R. Malter. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974. S. 174–200.

Kant and modernity: what else can we do for each other?

Petr V. Rezvykh

National Research University 'Higher School of Economics' (HSE University). 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: prezvykh@hse.ru

The issue raises the question: which aspects of Kant's philosophy are especially actual for contemporary philosophical and public discussions? The author specifies three complexes of ideas which are the most actual: critical limitation of the competence sphere of scientific knowledge; formal grounding of moral without reference to the principle of reciprocity; explanation of religion through the search for its anthropological conditions of possibility. The author also evaluates the main achievements and deficits of Kant studies in the end of 20th – the beginning of 21st century precisely on the field of textology and edition by using digital technologies and methods.

Keywords: Kant, Kant studies, scientific knowledge, morality, religion

For citation: Rezvykh, P.V. "Kant i sovremennost': chto my eshche mozhem sdelat' drug dlya druga?" [Kant and modernity: what else can we do for each other?], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2025, Vol. 18, No. 2, pp. 34–41. (In Russian)

References

- Kant, I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in Russian and German], Vol. I, ed. by N.V. Motroshilova and B. Tuschling. Moscow: Kami Publ., 1994. (In Russian)
- Kant, I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in Russian and German], Vol. II, Pt. 1, ed. by N.V. Motroshilova and B. Tuschling. Moscow: Nauka Publ., 2006. (In Russian)
- Kölpe, O. "Festrede zur Kant-Feier der Würzburger Universität am 12. Februar 1904", *Immanuel Kant zu ehren*, hrsg. von J. Kopper, R. Malter. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974, S. 174–200.